

МИСИМА

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ

Братья Швальнеры
Мисима. Путь война

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Мисима. Путь воина / Братья Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749388-2

Имя Юкио Мисимы после его смерти в 1970 году стало едва ли не нарицательным. И в этой связи интересно, как бы он увидел нашу глубинку? Со всеми ее особенностями — пьянкой, разрухой, драками, колхозами и тракторами? А еще интереснее — если бы главные герои этой самой разрухи вдруг на минуту стали легендарными самураями и гейшами. Вы держите в руках небывалый доселе литературный эксперимент, который одинаково увлечет поклонников деревенской прозы и классической японской литературы.

ISBN 978-5-44-749388-2

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Начнем с конца...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мисима Путь война

Братья Швальнеры

Иллюстратор Братья Швальнеры

Дизайнер обложки Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2017

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2017

© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-9388-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Начнем с конца...

Однажды Мисима шел домой. Путь его был наполнен созерцанием. Ветви высохшей сакуры давно покрылись таким толстым слоем инея, что невозможно было отличить его от снега. «Морозы совсем не за горами», подумал Мисима. То, что покрывало деревья, хрустело и под ногами – Мисима опустил голову вниз и увидел озябшего котенка. Он погладил его и залез в карман – там был припасен кусок ветчины, старой и прогорклой. Зачем он таскал его целую неделю, Мисима не знал, но был твердо уверен, что делает правильно, и этот никчемный и непригодный в пищу кусок мяса ему еще сослужит добрую службу. Он оказался прав – котенок набросился на него как лев на добычу, и проходя дальше, Мисима оставил своего меньшего брата пребывающим в чувстве глубокого удовлетворения.

В магазине Мисима долго стоял возле стойки с саке.

– Саке... – повторял он, вызывая неодобрительные взгляды продавщицы. – Саке... – Потом что-то смешное наваял ему этот повтор, и он произнес уже глубже: – Ссссссссаке... – И сам рассмеялся сказанному.

Бутылка саке была дешевой – для Мисимы настали не лучшие времена. Он успокоил себя тем, что «закуска, – как он говорил, – градус крадет», а на оную денег и вовсе нет. Зато вечер крайнего дня пройдет для него в относительно медитативной обстановке. Положив бутылку в худую сетку, Мисима заспешил домой, опасаясь, что ручки у сетки вот-вот оторвутся, и планам его не суждено будет претвориться в жизнь.

Дома Мисиму ждала его тьян – женщина крупная и воинственная. Он давно дал ей имя. Ее звали Азэми – цветок чертополоха. Такая же красивая, но такая же пустая, подумал Мисима, без слов приближаясь к ней, чтобы поцеловать.

Оба не спешили здороваться.

– Получка была? – не с привычной уже агрессией, а скорее с усталостью в голосе спросила Азэми.

– Сказали на той неделе...

Она грустно уронила лицо в ладони. «Плакать не будет, – подумал Мисима, и оказался прав, – давно уже не плачет. Больше эмоций, чем души».

– Давно сказала тебе – увольняйся...

– Пытался, – обреченно произнес Мисима.

– Ты? Ты пытался? Что ты сделал для этого? – она и вправду не плакала, но глаза Азэми выражали такое горькое непонимание, даже недоумение. Она думала так:

«Наверное он не любит меня. Ведь любовь измеряется не словами, а делами. И хоть он говорит о своей любви на каждом шагу, но ведь ничего не делает для меня, даже самого малого... Пусть не для меня – для нас, для того общего, что нас объединяет и что позволяет говорить о нас как о семье... Разве что его гостевые прикосновения... когда при людях он позволяет себе гладить мою грудь... Но разве в этом соль любви, ее центробежная сила?...» Она не успела ответить на свой вопрос.

– А я им заявление написал, – сухо процедил Мисима.

– Заявление? О чем?

– Что увольняюсь.

– Ну и что?

– Завтра общее собрание. Рассматривать будут.

Азэми улыбнулась. Мисима подошел к ней вплотную и провел рукой по изможденному, измученному лицу.

– Ты так давно не улыбалась...

– Наверное, поводов не было, – она взяла его руку и нежно поцеловала в самую ладонь.

– А сейчас? – губы Мисимы начали расплываться в улыбке – той самой улыбке, которая была так свойственна Мисиме и без которой он не мог прожить и двух часов. Улыбка обнажила его редкие зубы, но выдала ничем не скрываемую теплоту, радость, которая свойственна была ребенку. Азэми вспомнила эту радость – ту самую, по-детски наивную, за которую она – женщина старше его на 12 лет – полюбила его тогда.

– А сейчас я снова счастлива.

Мисима перевел взгляд на ее грудь. За взглядом последовала рука.

– Чего бы ты сейчас хотел? – щеки Азэми зарделись розовым цветом.

– Айда? – игриво повел бровью Мисима.

Спустя несколько минут они предались любви. Мисима ласкал нежные и податливые ее телеса, поглощая жар материнского чувства, отдаваемого Азэми, принимая его, как и тогда, несколько лет назад, за первозданную, искреннюю любовь. Право, он готов был отдать ей все золото Вселенной, когда она, забывая обо всем, заходила в истошном крике под его напористыми и резкими движениями... А потом, когда все закончилось, он снова закурил и задумался о вечном...

В дверь постучали...

– ... Ну да, ничего удивительного, – говорил Нигицу, распивая sake. Вообще-то его звали Степан, но Мисима уже давно звал его Нигицу. Сам не знал, почему.. – Когда порешь, города отдаешь, а отпорол – и деревни жалко.

– Нету в тебе, Нигицу, мать твою, культуры, – говорил Мисима, затягиваясь папиросой и глядя собеседнику в глаза.

– А? – нет, Нигицу хорошо слышал, но иногда этот вопрос в его устах словно бы призван был сказать Мисиме, что тот не понимает глубинного смысла его слов.

– Это ж-так sake, вещь благородная, а ты... Ну как ты пьешь?

– А как? Обыкновенно...

– Цедить надо. А ты залпом отхерачил уже третью рюмку.

– А сам-то? – Нигицу выразил резонное возмущение.

Мисима обзрел свой кубок. Нигицу был прав.

– Ну и че сегодня было на собрании? – Мисима перевел тему, не будучи готов продолжать беседу с Нигицу относительно культуры питания.

– Да ниче... Завтра председателя переизбрать будут...

«Переизбирать, – произнес про себя Мисима. – Какая обреченность в этом слове... Так, будто воля народа уже предрешена, и ничего нельзя изменить... Эта приставка „пере“...»

– И че ты думаешь? Как голосовать будешь?

Мисима не ждал альтернативного ответа на вопрос. Скорее, он ждал реакции на такую его постановку.

– Ты дурак что ль?

– А что?

– Ну а кого? Тебя, что ли?..

– А почему бы и нет?!

– Да ты не повезешь.

– А ты за меня давай не базарь... Наливай лучше...

Беседа в таком ключе утомила Мисиму. «Истина в вине», напомнила память чьи-то одновременно и мудрые, и глупые слова, и оба ронины опрокинули свои стаканы.

Азэми пришла на звон посуды.

– Есть хотите? – утомленно улыбаясь, спросила она.

Нигицу закивал, а Мисима вновь подобострастно уставился на самую выдающуюся часть ее тела. Его большая длань вновь легла на грудь возлюбленной. Она томно улыбнулась ему и стала к плите.

Что-то зашкворчало в сковороде, заглушая спор двух ронинов и руководящих качествах одного из них. И слышны их голоса стали только когда уставшие вернулись они к разговору о высоком, а на столе появилась сковорода с картофелем, обжаренным в масле.

– Ты знаешь кто, Михалыч? – спросил Мисима, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Кто? – Нигицу, хоть и ждал всякого от своего поэтически-возвышенного друга, все же не был готов к очередному его откровению.

– Ронин.

– Чего???

– Царь, предавшийся воле волн...

– Че это?

– А то. Живешь так себе, без цели, без расчета, без умысла всякого...

– Че это ты хочешь сказать?

– А то он хочет сказать, – отвечала за супруга влекомая им за стол Аэми, – что жениться тебе надо. Ты бы Ритку заново позвал...

– Это еще зачем?

– А затем, чтобы было кому дома ждать... Вот, посмотри как мы с Хираокой моим живем, душа в душу... – Аэми притянула мужа к себе и нежно поцеловала. Он особенно любил, когда она говорила ему нежно, душевно, называя по имени «Хираока ты мой»... По его настоящему имени, без этого глупого псевдонима Юкио Мисима, о принятии которого он уже и пожалел давно.

– Да уж... – брезгливо отвернулся от целующейся парочки Нигицу. – Достойный повод... – В его голосе сквозил скепсис и пренебрежение.

– Ты не прав, Михалыч, – парировал Мисима. – Мужик без бабы он что и баба без мужика, жить не должен...

– Ага... А ты мне лучше расскажи, полноценный ты наш, ты зачем заявление написал? Завтра собрание, рассматривать будут...

Флер взаимного очарования сошел с лица Мисимы и его спутницы.

– Ну написал... А чего?

– Ты бы чем херней маяться, в пастухи на полставки пошел... Председатель сказал пастухи нужны...

– Да чего туда идти, все равно четвертый месяц никому не платят...

– В том-то и дело, что никому. Будут деньги – заплатят. Сам же знаешь, как в колхозе зимой – не сеем и не пашем...

– ...А валяем дурака, с колокольни фуем машем, разгоняем облака... Надоело так жить! – Мисима ударил кулаком по столу. – Надоело быть ронином, и предаваться воле волн...

– Совсем крыша поехала, – поднимая очередной кубок, произнес Нигицу.

Вечером следующего дня Мисима появился на пороге дома, сияя от счастья. Аэми словно бы передалось его настроение, и она спросила:

– Как все прошло?

– Прекрасно. Я обвел их вокруг пальца.

– Но как?

– Я говорю: увольняюсь, потому что нет зарплаты. А они меня на должность старшего механизатора с еще более высоким окладом! Ишь, как я их...

Задумчивость Аэми граничила только с ее печалью...

Однажды Мисима пошел в баню. «Славное омовение, – рассуждал он мысленно, – является первым шагом на пути к очищению мыслей от скверны...» А ему в этот день очищение было просто жизненно необходимо. Скверным было послание даймё – председателя, ежегодно напутствовавшее верных самураев. Не обещало оно злата и серебра верным подданным фео-

дала, отчего последние пришли в печаль и многие даже пытались утопить ее в саке. Не таков был Мисима – благость и воздержание овладели и карманом, и членами его, и отправился он в горячую и влажную парную.

Завернутый в юката, пришел Мисима в баню. Ронины его были в основном нагишом. Что не могло не броситься ему в глаза.

- Отчего не прикрываете члены свои? – резонно возмутился Мисима.
- Чего??? – задал наводящий вопрос старший из присутствовавших, Оаке-сан.
- Чего, говорю, гей-парад тут устроили?
- Ты кого сейчас геем назвал?

Недовольство ронинов, также пришедших сюда после встречи с дайме, было вполне очевидным. Но Мисима не желал сдавать своих позиций.

- Да тебя. Что ты, ходит тут, сверкает... Смотри, влетит тебе, булочки-то гореть будут...

Юмор всегда был отличительной чертой Мисимы. И сейчас ему удалось снять напряжение, воцарившееся среди присутствующих. Осмеяли храбрые ронины Оаке-сана и стали слушать славные рассказы Мисимы о его службе в армии.

– ...Ну я тебе говорю! – (он любил использовать эту присказку в качестве своеобразного свидетельства достоверности того, о чем он говорил) – Значит, у нас два офицера. Напились в хламину. Среди бела дня. И лезут значит по отвесной стене комендатуры на канатах прямо к себе в кабинеты...

– А по лестнице нельзя? – не унимался разразившийся неуместным критицизмом Оаке-сан, жаждавший мести за осмеяние.

– Говорят же тебе, дураку, пьяные они. А если кто из старшего начальства встретится?! Ну вот... Значит, лезут, и один срывается. И – прикинь, – также для пущей правдоподобности прибавляет эпитет Мисима, – падает прямо на козырек перед входной дверью... Ну, знаешь, такие навесы бывают... И от удара у него сердце останавливается. И чего ты думаешь? Он дальше падает, на землю, уже с козырька. И от второго удара сердце снова биться начинает! Во как!

- Да... Чудеса, – разводят руками ронины.
- А че, парни, пивко есть? – призывно смотрит Мисима на своих товарищей.

Они переглядываются между собой, и вот уже прохладная бутылка саке появляется в кругу верных друзей, становясь благодарной если не собеседницей, то слушательницей рассказов Мисимы о его славных боевых подвигах.

– Ух, как я там чурок мочил... – саке возбуждает внутри Мисимы самые теплые его воспоминания. – Один сидит в кубрике, значит, читает Коран. Я ему говорю: ну-ка дай-ка мне сюда... Он дает, я читаю. Ну ничего так книжица, на разок почитать можно. И тут второй заходит. Тоже из этих, их пиконосых. И как давай причитать: «Вай-вай, как так, неверный Коран читает». Ну я ему каааак вташил!.. Этот – за него вступаться... Я тогда и тому каааак...

Удивляются ронины и восхищаются рассказам Мисимы. Сильное впечатление на них – опавших духом – производят воспоминания о его былых подвигах, о его силе и героизме. Верят они товарищу своему. Он сидит рядом с ними и повествует, а они внимают и уносятся мыслями в некую сказочную страну, и вот уже видят собеседника и товарища своего, равного им, на коне с мечом в руке и в доспехах самурая... И мысли эти настолько овладевают всеми присутствующими, что скоро доходят и до самого Мисимы... И он замолкает, представляя происходящее...

Тяжелые стальные доспехи ложатся на сильное тело Мисимы словно бы органичным дополнением – так, словно они всегда были здесь. Он несет их с честью, гордостью и достоинством. Он приготовился к славному ратному сражению за честь и славу сегуна. А кто сегун? Да важно ли это? Каждый из тех, кто минуту назад слушал рассказы его, для него и есть цель той

защиты, что готов он на себя принять. А они же, в свою очередь, готовы составить его ратное войско, чтобы защитить своего сюзерена.

Доспехи венчает ужасающая, внушающая животный ужас маска зверя. И этот ужас, источаемый ею, так же впитывается и впивается в тело Мисимы, становясь словно бы его частью. И он уже наполнен воинственным духом. И возбуждающий ярость военный марш звучит в парной, и на поле брани – везде, где добрые ронины телом и душой пребывают.

Тяжелый меч вороненой стали изогнутым барельефом смотрится в сильной руке Мисимы. Солнце играет на нем. Засмотрелся Мисима на меч – добрый его товарищ, что не раз выручал его в сражениях, снова рядом с ним. Как тяжел он и востр!

Мисима переводит взгляд на противника – войско его столь многочисленно, что расплывается и сливается с горизонтом. Целая тьма ордынская подошла к стенам его крепости. И не может он поступить иначе, кроме как приступить к обороне своего родного дома. Обращается Мисима на воинов своих – все как один в масках звериных, на всех доспехи ратные и самое главное – дух война виден и слышен в каждом.

Истошный вопль Мисимы озаряет долину.

– Банзаааай! – кричит он, бросаясь в самую сердцевину войска противника.

Крик его ужас вселяет в неприятеля. Не меч, не страшная маска, не тяжелые доспехи, а один только крик. Понимает Мисима, что единственное и самое сильное оружие в любом бою – здесь или на колхозных полях, рука об руку с нелюбимым председателем – это дух война. Дух бойца, призванного Всевышним сражаться, служить и защищать. Холодный металл латных доспехов – лишь приложение к нему. А исходящий из глубины живота, истошный вопль – и есть подлинный дух, которым наделен каждый самурай...

Мисима и товарищи его сидят в парной и смотрят в одну точку как замороженные. И лишь один Оаке-сан, недостойный гэйдзин, снова неодобрительно смотрит на Мисиму.

– Хорош заливать, а... Дух, сражение, воины... Чему тебя там учили? Полгода в учебке, полгода от мамкиных пирожков отходил... А все сражения, чеченскую прошел... Если б ты там был, так бы не рассказывал складно...

– А ты вообще молчи, – бросает Мисима в сторону недостойного. – Будет нам тут с мужиками еще какой-то гей в уши вкручивать. – Снова улыбка озаряет лицо поэта-воина. – Да, мужики?

Все смеются. Снова поруган Оаке-сан. Не понимает, недостойная его душа, что попыткой разрушить чужое никогда не возвести свое. И неважно при этом, что именно ты пытаешься разрушить – крепкий замок или соломенную халупу. А, не построив своего, не может самурай считать себя достойным высокого звания носителя меча.

Одевались. Мисима начал травить анекдоты.

– Дед с бабкой значит лежат ночью. Ну, не спится. Дед говорит: «А помнишь, бабка, была ситуация... Ты как-то на ферму приходишь, а я там с Машкой-дойркой... ну шуры-муры...» Бабка головой кивает: «Да, помню. А ты помнишь, была ситуация, ты с командировки раньше положенного вернулся, а я с Иваном-трактористом на кровати расслабляюсь?...» Дед ей: «Э, нет, бабка, ты ситуацию с блудом не путай!»

Ронины смеются, а пылливый ум Мисимы следует уже за горизонты привычного сознания – рассказанный им же анекдот возбудил в нем тягу к любви.

Возвращается Мисима домой. Ласку свою проявить и показать хочет своей Аэми. Однако, не настроена она принимать его в себя.

– Ладно уж, собирайся. В гости идем.

– К кому? – спрашивает Мисима, не думая о вопросе, ибо взгляд его прикован к сказочной груди Аэми.

– К Петровым. Ванька премию получил... Не то, что ты...

– А я чего?

- А того! Зарплата где?
- Сама же знаешь, в колхозе уже третий месяц никому не платят!
- А ты и молчишь, дурень ты эдакий. Вон в суд бы подал.
- Ага, а на адвоката где я тебе деньги найду?
- Ой дурак...

Тяжело вздыхает Азэми и уходит. И не менее тяжело вздыхает Мисима, лишенный возможности созерцать телеса любимой.

Однажды Мисима занимался спортом. Как всякий воин, много времени уделил он подготовке к этому ответственному занятию, сделав из на первый взгляд ничем не примечательного действия целую церемонию.

В тот день он явился домой раньше обычного. На календаре, висевшем на стене, была пятница, и Азэми высказала ему свое удивление, граничащее с неудовольствием.

- Чего приперся в такую рань? Куда собрался?
- Успокойся... – отмахнулся Мисима, направившись в свою комнату.

Не так-то просто было управлять эмоциями этой масштабной во всех отношениях женщины – и она последовала за ним.

Обычно в таких случаях он искал аккумулятор от машины – зная склонность супруга к саке, Азэми часто прятала важную деталь машинного механизма, движимая желанием уберечь мужа от возможных неприятностей в пути, связанных с влиянием зеленого змия. Но на этот раз все было иначе – Мисима переодевался.

- Куда это ты?
- Не скажу, – продолжал отмахиваться самурай.

Азэми видела, что Мисима снимает рабочую одежду и надевает легкую, домашнюю – майку, облегающие спортивные брюки с немного оттянутыми коленями, спортивную кепку, олимпийскую куртку 1980 года выпуска, доставшуюся ему по наследству от почившего в бозе родителя.

– Странный ты какой-то... – окинув внешний вид мужа взглядом, произнесла еле слышно Азэми и вышла из комнаты.

Она вязала шарф для матери, глядя в окно, когда Мисима предстал в ней во всей своей спортивной красе. Неуклюже сидевшая на нем домашняя одежда, принимаемая им за атлетическую, все же подчеркивала его телосложение, которое было весьма статным – несмотря на невысокий рост, он был достаточно сбитым, поджарым, мускулистым, что выдавало в нем как духовную, так и физическую силу и красоту. Глядя на него в таком виде, Азэми задумалась – быть может, впервые со дня их свадьбы – о правильности своего выбора.

- Все, побежал, – гордо произнес супруг.
- Куда это ты побежал?
- Спортом заниматься пойду.
- Каким еще спортом?!

– Ну, побегаю, поотжимаюсь, поприседаю... А то что-то засиделся совсем в четырех стенах – дом, работа, дом, работа...

- Азэми улыбнулась.
- Правда что ли?
- А что я тебе, шутить что ли буду?.. В пятницу-то вечером?!

«Да уж, действительно, в такой день не пошутишь», – подумала она и произнесла:

- Ты один пойдешь-то?
- Нет. Верный товарищ мой Нигицу-сан компанию составит мне.
- Опять нажретесь?! – подозрение, зародившееся в душе Азэми, стало принимать агрессивный тон.

– Дура! – категорично развеял тень сомнений Мисима. – Сказано тебе, спортом заниматься будем!.. Все, давай, пойдем, буду поздно...

Когда дверь за супругом затворилась, Аэми еще несколько минут посидела, глядя в окно – она думала, что может и впрямь относится к мужу с излишней требовательностью и предвзятостью, – а потом пошла готовить борщ. Пятничным традициям она, в отличие от мужа, изменять была не готова.

Мисима сдержал обещание – и впрямь пришел домой поздно. Она уже спала, когда он, стараясь не шуметь, но все же издавая нелепый оглушительный грохот – во тьме он натолкнулся на стоявший в коридоре велосипед, повалив его наземь – прошествовал по дому до кровати и, не раздеваясь, упал на нее лицом вниз. Не зажиная света, Аэми подошла к почившему мужу:

– Чего не раздеваешься-то? – еле слышно спросила она.

– Сил нет. Устал. Потом.

– Есть хочешь?

– Не, говорю же, сил нет, – пробормотал он, не отрывая лица от подушки. Аэми пожала плечами и ушла к себе.

Следующим утром Мисима был бодр, весел, и даже как-то необычайно розовощек. Он пил много воды, мотивируя это тем, что не хочет объедаться перед вечерней пробежкой, а также с увлечением рассказывал Аэми о том, как они с Нигицу сделали сорок кругов вокруг колхозного поля, чем поверг ее в немалое удивление – пожалуй, даже большее, чем от самой затеи заняться непривычным доселе делом.

Вечером он, как и обещал, исчез. Сегодня они должны были идти в гости к матери Аэми, пригласившей их отведать приготовленные по случаю дня рождения императора Хирохито роллы, но Мисима в своем стремлении был непреклонен.

– Какие роллы по случаю рождения Хирохито? Ты запомнила, верно, что на престоле сын великого императора – Акихито, а потому роллы эти лишь поводом притронуться к претящему мне sake станут!

– Претящему? Давно ли?

– Усмешка твоя оскорбительна. Спортивному мужу с sake не по дороге! – и хлопнул дверью.

Обомлела Аэми – ее ли муж произносил эти слова? Он, еще недавно так ревностно относившийся к sake, сейчас отказывается даже от упоминания имени хмельного напитка. Поспешила Аэми к телефону, чтобы возвестить об этом матери и услышать ее мнение относительно метаморфозы, произошедшей с Мисимой.

– Да это ж хорошо, ты чего! – не скрывала своего восхищения мать Аэми. – Может, наконец, за ум возьмется. Хоть квасить перестал, и то слава Богу, алкаш, прости Господи...

И снова за полночь вернулся Мисима. И снова сразу лег спать, даже не притронувшись к суши, приготовленным заботливой Аэми.

Утро воскресенья было ознаменовано все тем же – рассказами Мисимы о том, как они с Нигицу совершили вокруг колхозного поля уже 60 кругов, о здоровом питании, предполагающем полный отказ от курения и алкоголя, потребления тяжелой и жирной пищи, мучного и молочного, а также о том, что здоровье – необходимый элемент гармоничной жизни каждого, включая и ее, Аэми.

– Что-то ты, мать, растолстела, – больно щипая складки вокруг ее сальных бедер, говорил Мисима, окидывая жену критическим взглядом.

– Ты чего? Договоришься сейчас! – Аэми уже было замахнулась на мужа, а он по привычке сравнял ребро ладони с носом...

– Да я не про то! Я к тому, что тоже спортом заниматься скоро будешь... Выгоню я тебя на беговую дорожку, там семь шкур спущу и голой в Африку пушу... Хочу, чтоб вся деревня мне завидовала, какая у меня жена красивая...

Заулыбалась Аэми – предложение мужа ей явно импонировало.

– А когда ж побежим-то?

– Скоро. Надо сначала чуть-чуть тебе режим питания сменить.

– В смысле?

– В смысле меньше борщи жрать, а побольше капусту сырую да морковку. Давай, недельку на спортивной диете посидишь, а там посмотрим... – ласково улыбаясь, Мисима похлопал ее по натянутому как барабан животу. —Все, мне пора.

В таком режиме прошла неделя. Аэми не узнавала мужа – или внушила себе, что перестала его узнавать. Так или иначе, если даже в его внешнем облике перемены были не так заметны, но он стал очевидно добрее и расположеннее к ней, стал проявлять к ней редкие доселе теплоту и ласку, открытость и даже некоторое удовлетворение от того, что она приходится ему женой – последнее так и точно впервые за всю жизнь. Одним словом, Аэми была удовлетворена итогами резко изменившейся жизни мужа.

В следующую субботу Мисима и Аэми должны были идти к Филимоновым – их зять с дочкой приехали из города, что неизменно являлось событием в семейной жизни храброго самурая.

– Не, я не могу, – отмахнулся Мисима от этой идеи как от назойливой мухи.

– Да ты что??? Я уже собралась, нас все ждут!

– Вот одна и сходи, а у меня спорт. Тут ведь что важно – режим, система понимаешь.

Немножко упустишь – и все, пиши пропало.

– Ну... Я как-то не знаю... Васька с тобой выпить хочет...

– Вот! Какой мне сейчас пить?! У меня режим, здоровье... А ты – пить! Нет уж, так им и передай. Такие развлечения не для Мисимы. Путь война – есть путь аскезы и лишений, а не баловства и нанесения вреда своему же здоровью!

Последнее было сказано с таким пафосом, что возразить Аэми просто не могла. Да и не очень-то хотелось ей, в глубине души, снова тащить пьяного супруга за волосы из гостей – она давно мечтала одна посетить дом друзей. Сейчас же ей была предоставлена такая возможность, так что до возражений дело не дошло.

– А где Колян-то? – резонно поинтересовался хозяин дома, увидев Аэми одну на пороге. Она лишь лукаво улыбнулась:

– Бегаёт. Спортom занимается. Они с Трофимовым вон по 60 кругов вокруг колхозного поля дают... Здоровья набираются. А мой заодно – и ума-разума.

– Ага, конечно, – рассмеялась ей в лицо жена хозяина. – Наши вон сейчас с автобусной станции шли, так эти двое пьяные в тыщу возле МТС сидят, да еще спиртягой догоняются.

Улыбка вмиг сошла с лица Аэми. Не знала она той скорости, с которой супруг – по его словам – передвигался во время вечерних вылазок, но так скорость, с которой она полетела сейчас ему навстречу заставила бы позавидовать видавших виды бегунов. Прибыв на место, печальную картину увидела Аэми. И не столько то ее расстроило, что супруг вновь пьян, как то, что он обманывал ее – лгал ей всю неделю, а в действительности распивал под любимой сакурой у машинно-тракторной станции sake, и гнусно скрывал свою слабость под соусом большого спорта.

– Ах ты тварь! – с воинственным криком сегуна бросилась Аэми в толпу, окружившую Мисиму, и зачарованно слушавшую его рассказы из периодов доброй службы самурая в Императорской Армии. Быстро толпа расступилась перед ее грозным натиском – и вот уже преданная тян тащила своего супруга домой, держа его властной рукой за шкуру.

– Отпусти, дура, неудобно же, – Мисима пытался освободиться от нее, но все безуспешно – слишком велика была разница в комплекциях.

– Алкаш проклятый... Бегаёт он... Спортom. На беговую дорожку меня, а сам...

– Да чего ты понимаешь-то! Путь война состоит в том, чтобы познать основы лишений и аскезы. Все, мы с Нигицу познали. На второй же день – мы же тебе не хрен собачий, а просветленные воины! И потому на законном основании предались доблестным воспоминаниям...

– Заткнись! – Азэми явно не была настроена на диалог. Да и Мисима не был уверен, что в своем нынешнем состоянии способен его продолжать.

Вернувшись домой, он лег почивать – много sake выпито было за часы физических и духовных практик. А проснувшись около полуночи, вышел на кухню. В полной темноте сидела Азэми и пила sake.

– Сидишь? – робко осведомился самурай.

– Сижу.

– Нальешь?

– Бери стакан.

Они выпили и Азэми улыбнулась – без всяких новшеств, такой муж был ей ближе и понятнее. Таким когда-то она приняла его, и таким готова была терпеть хоть всю оставшуюся жизнь, ибо только верная и преданная жена будет достойной спутницей самурая на пути война.

Однажды Мисима решил совершить трудовой подвиг.

Не то, чтобы вот так сразу взял и решил – мысль о том, что путь самурая должен сопровождаться подвигом давно коренилась в его мозгу. Он понимал эту истину и разделял ее. «Мало, – думал он, – ничтожно мало лишь сохранить в веках то, что было дано тебе свыше при рождении. Необходимо приложить усилия к тому, чтобы приумножить это».

И если самурай обычно приумножал данное ему свыше в боях и сражениях, то Мисима решил сделать это там, где подвиг был ему доступен – на трудовом фронте.

В тот день он пришел в бригаду раньше обычного. Нигицу, чья смена заканчивалась в восемь утра (он сегодня был на ночном дежурстве), немало удивился столь раннему появлению своего товарища.

– Чего это ты в такую рань? – зевая, спросил Нигицу.

– Да так. Думаю, пораньше приду, тебе работать меньше, – скромно слукавил храбрый воин.

– Ну спасибо, конечно...

– Спасибом пьян не будешь.

– Ну ты это... в пятницу отметим если что...

Ничего не ответил Мисима – не о том сейчас были все его мысли. Ушел Нигицу, глядя на курившего на крыльце МТС Мисиму и недоумевая, чем бы это могло быть вызвано столь раннее его появление.

Меж тем, началась рабочая смена. На станцию один за другим спешили механизаторы и трактористы, комбайнеры и ремонтники, и всем был нужен Мисима. Обычно он не отличался трудовой доблестью и радением по отношению к службе, но сегодня его словно подменили.

– Михалыч, ты шестеренку на коленвал взял?

– А какой она мне?

– Так у твоего МТЗ-80 давно уже коленвал не тянет. Там шестеренка нужна...

– Как нужна будет, так и приду.

– Ну ты чего базаришь?

– А чего? – недоуменно поглядел на Мисиму Михалыч.

– Ну ты сейчас в поле выйдешь и там станешь. И план навернется, и мне лишний головняк – опять председатель начнет мозги вправлять, что не досмотрел! Чего меня-то подставляешь?..

Разумным показалось Михалычу замечание Мисимы-сан. Согласился он с ним. Взял шестеренку.

– Колян?
– Чего?
– Ты соляры можешь мне на три дня сразу выписать?
– По норме могу.
– А по расходу?
– Нет.
– А чего? С меня магар...
– С тебя магар, а недостачу я куда дену? У меня и так зарплаты кот нассал, да еще за тебя удержание получать, нет уж...
– Ну дай хоть по норме...
Задумался Мисима. Обмануть хочет его хитрый Оаке-сан.
– Слушай, Серега...
– Чего?
– А у тебя же МАЗ по-моему давно жрет больше положенного?
– Дак там как на соляру перевели, так бензонасосу каюк...
– И сколько ты уж таким макарком лишней соляры съел?
– Не я, а пылесос этот долбаный!
– Ну неважно...
– А знаешь, что важно? Что ты как старший механизатор ни хрена не сделал для починки насоса, хотя о проблеме знаешь!
– О! – Мисима воздел палец к небу. Дельное замечание сделал мудрый Оаке-сан. Встал Мисима из-за стола и направился на стоянку.
– Ты куда? – едва поспевал за ним Оаке-сан. Мисима молчал, так словно боялся, что осенившая его не без помощи товарища мудрая мысль улетучится из его умной головы, если он распространится о ней.
Подойдя к МАЗу Оаке-сана, Мисима залез под капот и долго там ковырялся под недоуменные взгляды товарищей. Потом залез под машину и стал что-то там крутить гаечным ключом, периодически выбрасывая детали.
– Ты долго там?
– А тебе чего?
– Мне ехать надо. У меня путевка горит.
Посмотрел Мисима-сан на своего товарища.
– Дай-ка путевку, – тот протянул ее Мисиме без задней мысли. Изучив документ, храбрый воин одной рукой в мгновение ока разорвал его. – Сегодня никуда не поедешь. Машина не на ходу, перерасход топлива. Внеплановый ремонт. Саныч!
– Чего?
– Иди в контору, бери путевку Стахнюка и езжай по ней!
– Понял, – обрадованный возможностью повысить нормовыработку водитель бросился в правление колхоза. Не разделил его радости Оаке-сан.
– Ты охерел?
– Чего?
– А того! Я-то чего жрать буду?
– Я ж тебя не увольняю. Починю – опять за баранку сядешь. Сам же сказал, что моя недоработка. Я согласен.
Оаке-сан молча покинул гараж. В эту минуту до него впервые, быть может, за всю жизнь, дошла истинность выражения о том, что язык самурая – самураю злейший враг. Всегда следует думать прежде, чем что-то говорить. Но почему раньше за Мисимой не наблюдалось такого рвения и, тем более, следования словам и обещаниям?.. Ответа на этот вопрос Оаке-сан пока не нашел. Пока.

Вечером работа Мисимы была сделана, и он не без удовлетворения констатировал Оакесану то, что машина исправна и течь в бензонасосе устранена. Но не так этому был рад Оакесан как Мисима.

В таком интенсивном рабочем напряжении прошла вся смена. Но по окончании ее Мисима, как ни странно, совсем не устал – напротив, объем полезных и созидательных дел, вышедших сегодня из-под его рук настолько его воодушевил, что он решил превзойти самого себя и отработать две смены подряд. Позвонил Нигицу, который через пару часов должен был менять его.

– Темыч?

– А? – Нигицу был настолько удивлен звонку начальника, что едва не подавился sake, которую смачно распивал в ожидании ночной смены, не требовавшей большой самоотдачи – иначе говоря, можно было беззастенчиво проспать всю ночь, а весь следующий день снова предаваться возлияниям в компании ронинов своих.

– Сегодня в ночь не выходи.

– А чего?

– Я сам отдежурю.

– Че это?

– У Козлова комбайн барахлит, а он в ночном. Сам хочу посмотреть, подлатать если что.

– Ладно, – Нигицу было улыбнулся, подумав, что сегун сошел с ума, но уже через несколько секунд улыбке его было суждено сойти с лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.